

Научная статья
УДК 94(47).084.8 + 81'2
doi: 10.17223/15617793/480/10

Роль коммуникации в процессе выживания узников нацистских концлагерей

Станислав Васильевич Аристов¹, Валентина Николаевна Аристова²

¹ Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия, aristov_stanislav@hotmail.com
² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, avn2611@gmail.com

Аннотация. Представлена роль коммуникации в концентрационных лагерях в процессе борьбы узников за выживание. На основе анализа неопубликованных материалов, хранящихся в архивах разных стран (России, Украины, США, Израиля, Германии), а также изданных воспоминаний и интервью бывших узников, представлена картина формирования и функционирования лагерного языка, а также охарактеризованы варианты взаимодействия различных субъектов лагерного мира.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацизм, оккупация, концлагерь, нацистский язык, коммуникация

Для цитирования: Аристов С.В., Аристова В.Н. Роль коммуникации в процессе выживания узников нацистских концлагерей // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 84–91. doi: 10.17223/15617793/480/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/10

The role of communication in the survival of Nazi concentration camp prisoners

Stanislav V. Aristov¹, Valentina N. Aristova²

¹ Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation, aristov_stanislav@hotmail.com
² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, avn2611@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to analyze the communication of prisoners of Nazi concentration camps as one of the factors in the prisoners' struggle for life in extreme conditions. The sources of the research are materials from Russian and foreign archives: the State Archive of the Russian Federation (Russia), the Yad Vashem Archive (Israel), the Security Service Archive (Ukraine), the Holocaust Memorial Archive (USA), the Bundesarchiv (Germany), as well as published memoirs and interviews of former prisoners. In particular, the authors analyzed the testimony of former prisoners, criminal cases against the concentration camps' administrative and security personnel convicted in the course of post-war trials. As a result of their research, the authors concluded that language ability and communication played a critical role in the rescue of prisoners. If prisoners spoke several languages, mastered the internal camp jargon, and also managed to build communication with representatives of the camp administration, functionary prisoners and ordinary prisoners, their chances of survival increased significantly. If adaptation to the camp's linguistic realities did not take place, prisoners had practically no opportunity to escape. The authors examine the characteristics that determined the framework of the camp community, among which the main were Nazi ideological attitudes, as well as prisoners' pre-camp experience. They thoroughly analyze German and camp jargon – the languages that, if mastered, determined prisoners' survival. The authors show how German changed due to lexical and semantic neologisms and the role it played in prisoners' subjugation, demonstrate that the camp jargon developed in several directions – the formation of a single lingua franca and the formation of jargon in national groups of prisoners, and also pay particular attention to the role that translators played in the camp life. The authors characterize the basic models of camp communication: “SS man – ordinary prisoner”, “SS man – camp functionary”, “representative of the camp ‘elite’ – ordinary prisoner”, “prisoner – prisoner”, “prisoner – civilian worker”, and note the possibility (or impossibility) of prisoners within each of them to be saved. Finally, the authors describe the role of communication in organizing the underground Resistance, in order not only to survive, but also to actively resist the Nazi terror.

Keywords: Great Patriotic War, Nazism, occupation, concentration camp, Nazi language, communication

For citation: Aristov, S.V. & Aristova, V.N. (2022) The role of communication in the survival of Nazi concentration camp prisoners. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 84–91. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/10

Проблема выживания узников является одним из важнейших аспектов при изучении истории нацистских концентрационных лагерей. Значительный исследовательский потенциал данной темы связан, по-

мимо прочего, с ее межпредметностью [1–3], а также с ее взаимосвязью с большинством аспектов концлагерного мира – функционированием эсэсовской администрации, вопросами эксплуатации и уничтожения узников, повседневностью заключенных. Вместе с тем такому важному фактору, как внутрелагерная коммуникация, во многом определявшему возможности выживания узников, до сих пор уделялось недостаточно внимания. Лишь некоторые работы были посвящены лингвистическим вопросам, связанным с изменением языка и коммуникацией в концлагерях [4–6]. В этой связи предлагаемое исследование актуально в силу нескольких причин. Во-первых, в работе впервые представлен анализ внутрелагерной коммуникации сквозь призму ее роли в процессе выживания узников. Во-вторых, в нем впервые проанализирована языковая ситуация в широком концлагерном контексте с учетом нацистских концлагерей на оккупированных территориях Советского Союза, что ранее оставалось вне поля зрения ученых.

Основную источниковую базу составили неопубликованные материалы, хранящиеся в архивах разных стран (России, Украины, США, Израиля, Германии), а также изданные воспоминания и интервью бывших узников нацистских концлагерей.

Понятие «концентрационный лагерь» является одним из дискуссионных научных вопросов [7–9]. В данной статье под концлагерями понимаются места массового заключения узников, в которых сочетались две основополагающие для нацистского режима функции – эксплуатация и уничтожение заключенных. Изолирование «опасных» лиц, «перевоспитание», устрашение общества, трансформация социального состава населения также выполнялись концлагерями, но были вторичны, так как могли реализовываться и в других местах заключения (тюрем, исправительно-трудовых лагерях, гетто и т.д.).

Еще одной специфической характеристикой концлагерей являлось разнообразие содержавшегося в них контингента заключенных – одновременно там находились узники, арестованные по разным мотивам – политическим или расистским. Подобные концлагеря располагались как на территории рейха, так и в оккупированных областях, в том числе в Советском Союзе [10. С. 9].

Выживание узников определялось рядом факторов: пространственных (тип лагеря, место его расположения, барак, где жили узники и др.), временных (этапы в развитии системы концентрационных лагерей и каждого отдельного концлагеря, события на фронтах боевых действий, годы, значимые для отдельных лагерных категорий и др.) и индивидуальных (национальная принадлежность узника, его положение в лагерной иерархии, взаимоотношения с представителями лагерной администрации и др.). Коммуникация, а также владение иностранными языками могут быть отнесены к последней группе.

Однако для того, чтобы понять, каким образом в нацистских концлагерях складывалось общение, следует охарактеризовать само внутрелагерное общество. Структура последнего формировалась нацистскими

идеологическими представлениями и основывалась на противопоставлении «сверхлюди» (от нем. «Übermensch») – «люди» – «недочеловеки» (от нем. «Untermenschen»). К первым относились эсэсовцы, ко вторым – лагерная охрана из коллаборационистов, узники-немцы и заключенные западноевропейских стран, к третьим – славяне, цыгане, евреи. По сути, эта конструкция напоминала кастовую систему, в которой переход из одной касты в другую был невозможен, а межгрупповая коммуникация жестко регламентировалась.

На расистскую схему накладывалась еще одна искусственная матрица, определявшая внутрелагерное взаимодействие между узниками. Заключенные в соответствии с причинами ареста делились на три основные страты узников: узников по «политико-идеологическим» причинам – политических врагов нацистов в самом широком смысле (военнопленных, представителей оппозиции и религиозных организаций); граждан, преследовавшихся по «расовым» мотивам – на основе этнического расизма (евреи и цыгане); узников по «социал-расистским» основаниям – на основе евгенических идей о «народном сообществе» и «вредных» для него элементах («асоциальные» и «криминальные» категории).

В результате каждый из узников, принадлежавший к той или иной национальной группе и имевший ту или иную причину ареста, получал специальную маркировку в виде цветного треугольника, с вышитой на нем первой буквой национальности. Подобное визуальное обозначение позволяло как эсэсовцам, так и заключенным мгновенно оценивать, кто находился перед ними, и, таким образом, выбирать соответствующую коммуникативную модель.

Вместе с тем узники воспроизводили собственный долагерный опыт, который, помимо прочего, включал и модели коммуникации с иностранцами, представителями противоположного пола, членами различных профессиональных и религиозных групп. Поэтому, анализируя коммуникацию узников в концлагере, следует понимать, что она реализовывалась не только по нормам, определенным лагерной администрацией, но и по собственным законам, имевшим основание в долагерном прошлом.

Для того чтобы иметь шанс выжить, необходимо было выстраивать общение, а это в первую очередь означало знание, хотя бы элементарное, иностранных языков, а также понимание лагерного жаргона.

Официальным языком являлся немецкий. Именно он использовался для донесения до заключенных приказов, распоряжений и директив. На немецком языке должны были разговаривать узники между собой, и если эта норма не соблюдалась, что было в абсолютном большинстве случаев, то возникал формальный повод для наказания [11. Л. 304]. Вместе с тем, как и любой язык, немецкий в концлагере не был однородным явлением, но характеризовался различными диалектическими или социальными особенностями. Как справедливо отмечал бывший узник Аушвица Примо Леви, «лагерный немецкий был сильно варваризованной разновидностью того языка, который немецкий филолог еврейского происхождения Клемперер окрестил языком Тре-

твей империи (по латыни *Lingua Tertii Imperii*), то есть Третьего рейха» [12. С. 80].

Изменения в немецком языке, использовавшемся в концлагерях, при сохранении грамматических конструкций, произошли за счет лексических и семантических неологизмов. Прежде всего был расширена лексика, используемая для обозначения технического оборудования и процедур, связанных с уничтожением узников: *Sonderbehandlung* (специальный режим, что в реальности стало означать убийство), *Gaskammer* (газовая камера), *Sonderkommando* (специальная команда – узники, обслуживавшие газовую камеру и крематорий), *Endlösung der Judenfrage* (окончательное решение еврейского вопроса – уничтожение евреев). Семантические неологизмы возникали в результате присвоения новых значений уже известным словам. Например, слово *Effektenkammer* в лагерной реальности стало обозначать складское помещение, где хранилась одежда и вещи заключенных, а глаголы *abziehen* (уходить), *abtransportieren* (увезти) стали синонимами физического уничтожения [13. Р. 65].

Одним из наиболее характерных терминов, видоизменивших свое значение в концлагере, был термин «мусульманин» (от нем. *Muselmann*) – жаргонное обозначение крайне истощенного узника. Точное происхождение данного термина неизвестно, имеются лишь предположения, что подобное обозначение могло появиться по причине того, что многие доходяги обматывали голову тряпьем, напомиравшим тюрбан, и ходили с полусогнутыми, на восточный манер, коленями и с неподвижным, как маска, лицом. Стоит отметить, что, хотя термин «мусульманин» получил наибольшее распространение в концлагерях применительно к доходягам, имели место и другие названия, которые также образовывались изменением семантического значения: в Майданеке их называли «бездельниками» или «чудаками» (от нем. *Gamel*), в Штуттгофе «калеками» (от нем. *Krüppel*), в Равенсбрюке «шмутштюками» либо «шмутцштюками» (от нем. *Schmutzstück* – кусок грязи, отброс; *Schmuckstück* – драгоценность).

При этом изменение семантики слов не всегда происходило по инициативе лагерной администрации. К примеру, в лагерном жаргоне происходит расширение начения слова «организовать, достать» (от нем. *organisieren*), оно приобрело значение «своровать на складах СС или купить на черном рынке».

Эти слова с измененными значениями использовались в официальных документах, в общении между эсэсовцами, узниками и были понятны только представителям лагерного мира.

Главной функцией немецкого языка для эсэсовцев было подчинение узников, вербальное насилие над ними. Одной из распространенных форм языкового давления на личность стало принудительное пение в строю – во время отправки на работу или возвращения в лагерь, иногда на перекличке. Исполнение песен на марше было заимствовано нацистами из армейского опыта. Заставляя заключенных петь по-немецки, эсэсовцы или представители лагерного «самоуправления» с помощью маршевого ритма предпо-

лагали упрочить общую дисциплину в группах. Однако для истощенных узников, в большинстве своем не владевших немецким языком, это пение было очередным наказанием, еще больше изнурившим их после тяжелейшего рабочего дня. Отказ от исполнения или неверное воспроизведение текста приводили к побоям [14. С. 51–52; 15. Р. 3–4].

В ряде концлагерей на оккупированной территории Советского Союза, в силу гомогенности состава узников, подобные песни были украинскими или русскими. Хотя исполнение песен должно было якобы демонстрировать удовлетворенность заключенных своим положением, их желание трудиться, в действительности пение веселых произведений, таких как, например, «Распрягайте, хлопцы, коней!», на фоне удручающей лагерной реальности, гибели собратьев становилось еще одним фактом морального давления на узников и их унижения со стороны лагерной администрации. В итоге создавалась некая квазиреальность, с навязываемой заключенным системой нацистских ценностей. В лагере – месте массовой гибели и убийств – узникам не полагалось отдавать дань памяти погибшим. Более того, они должны были «радоваться» их гибели или как минимум ее не замечать.

Тем не менее, несмотря на навязывание лагерной администрацией немецкого, мультикультурная среда узников не могла быть ограничена одним языком общения. Для того чтобы выжить, получить помощь или хотя бы наладить элементарный быт, узники должны были освоить не только азы немецкого, но и других лагерных языков. Заключенные могли начать учить иностранные языки солагерников [16. С. 98; 17. Л. 111].

В то же время в рамках лагерной коммуникации происходило формирование некоего подобия *lingua franca*, где к лагерной лексике, складывающейся прежде всего из элементарных активно используемых немецких слов (таких как *Bitte* – от нем. пожалуйста, *Brot* – от нем. хлеб, *gut* – от нем. хорошо и др.), добавлялись слова других национальных групп: *brama* (от пол. ворота), *avanti* (от итал. вперед), *compris* (от франц. понял). Одним из тех слов, которое было понятно в концлагерях всем, стал термин «капо» – представитель так называемого лагерного самоуправления – «элиты» заключенных (от фр. *caporal* – капрал или итал. *capo* – начальник).

В национальных языках происходило формирование собственного лагерного жаргона. Во французском жаргоне лагеря можно было найти следующие слова: *raouster*, происходившее от немецкого *raus*, что означало «убирайся»; *repas froid* (дословно «холодная еда»), обозначавшее труп на катафалке; *mouche à merde* – от немецкого «Mistbiene» (ильница – навозная муха, похожая на пчелу), обозначало истощенного, грязного узника [13. Р. 69].

В концлагерях Третьего рейха лагерное сообщество было многоязычным. Носители десятков языков вынуждены были сосуществовать друг с другом. К примеру, в одном только женском концлагере Равенсбрюк за весь период его функционирования находились представительницы сорока национальностей [18. С. 215].

Ситуация, когда узники разных стран впервые оказывались в концлагере, повергала их в шок, лишая привычных ориентиров и вселяя неуверенность. Построить коммуникацию помогали интуиция и языковая догадка. В том случае, если заключенному не удавалось адаптироваться к ситуации, освоив хотя бы элементарный вокабуляр, ему грозила гибель в силу непонимания немецкого языка, а значит, исходивших от представителей лагерной администрации приказов и распоряжений, а также невозможности наладить контакты для взаимопомощи: «Большая часть узников, не знавших немецкого, в частности, почти все итальянцы, умерли в первые же десять-пятнадцать дней после прибытия в лагерь. Причиной смерти можно считать голод, холод, переутомление, болезни, но если смотреть глубже, все они умерли от недостатка информации» [12. С. 76].

В ряде концлагерей на оккупированной территории СССР интернациональный словарь, характерный для концентрационных лагерей Третьего рейха, так и не возник. Подобная ситуация была следствием национальной однородности контингента заключенных, но, помимо прочего, она демонстрировала и неабсолютность нацистской власти, не сумевшей или не успевшей подчинить себе лагерный дискурс большинства лагерей на оккупированной территории Советского Союза.

По сравнению с концентрационными лагерями в Третьем рейхе языковая среда в данных лагерях была более однородна. Русский и украинский являлись основными языками общения между заключенными. Немецкий не стал доминирующим, как это было в нацистских лагерях Германии или Польши.

Вместе с тем необходимо отметить, что установление элементарной коммуникации с узниками требовалось и лагерной администрации. Именно поэтому особое место в повседневности концентрационных лагерей заняли переводчики. Они стали представителями лагерной «элиты», получая дополнительный паек, лучшие условия размещения в бараках и прочие преимущества. Даже в концлагерях на оккупированной территории Советского Союза, несмотря на языковую однородность массы узников, администрация использовала переводчиков. Коменданту Сырецкого лагеря Радомскому приходилось доносить свои предписания до лагерной «аристократии» и узников через переводчика [19].

Немецкое слово *Dolmetscher* стало универсальным для обозначения официального лагерного переводчика. Нередко данный термин использовался как жаргонизм, обозначая дубинку в руках надзирателя, способную «объяснить» приказы начальства.

Переводчики в лагерях были весьма разнородной группой, как и представители иных лагерных категорий. Они обладали разным уровнем профессиональных навыков, желанием помогать сокамерникам или, наоборот, сотрудничать с нацистами с целью получения собственной выгоды.

Например, одним из помощников коменданта концлагеря «Красный» был Яков Шурр, выполнявший, по свидетельствам очевидцев, функции пере-

водчика, а также участвовавший в пытках и расстрелах узников. Многочисленные показания бывших узников свидетельствовали о том, что Шурр ежедневно избивал их дубинкой и присутствовал на расстрелах [20. С. 1379].

Начальником отдела гестапо, организовавшим осведомительную сеть в концлагере, являлся некто Бергер. Одним из его агентов была Ольга Финк – узница, выполнявшая в концлагере функции переводчицы [21. Р. 493].

Деятельность *Dolmetscher* в концлагере отличалась от переводчика в повседневной жизни. Как уже отмечалось выше, *Dolmetscher* не должен был обладать безупречным знанием немецкого языка или иметь профессиональное лингвистическое образование. В большинстве случаев достаточно было освоения лишь небольшого лагерного вокабуляра. *Dolmetscher* не обязан был осуществлять дословный перевод эсэсовской речи, ему следовало передать ее прагматическое значение, соответствовавшее ситуации. Он должен был реагировать очень быстро, если возникали конфликты между узниками или заключенными и представителями администрации. При этом, как свидетельствуют в своих мемуарах бывшие узники, манера речи *Dolmetscher* была зачастую так же фрагментарна и экспрессивна, как и у эсэсовцев.

Оказываясь в концентрационном лагере, представители разных национальностей попадали в состояние принудительной коммуникации, в том числе и межкультурной. Подобная коммуникация реализовывалась в разных моделях: «эсэсовец – рядовой узник», «эсэсовец – лагерный функционер», «представитель лагерной “элиты” – рядовой заключенный», «узник – узник», «узник – свободный гражданский рабочий». Состав участников общения определял характер коммуникации, а значит, и выбор языковых средств.

В общении между эсэсовцем и рядовым узником дистанция проявлялась в наибольшей мере по сравнению с остальными вариантами интеракции. Это обуславливалось не только их статусным различием, но в первую очередь и расовым фактором. И если общение между арийцами – эсэсовцем и узником немцем или австрийцем – нередко выстраивалось с меньшей дистанцией, то со славянами или тем более евреями это было невозможно в принципе. Представители лагерной администрации лишь формулировали приказы или инициировали наказания в отношении подавляющего большинства узников. В подобном общении они использовали инвективную лексику, сравнивая заключенных с животными. Подобное коммуникативное поведение было продиктовано намерением оскорбить адресанта, девальвировать его аксиологическую сущность, снизить его социальный статус. Рядовые узники не могли выступать инициаторами общения или, тем более, жаловаться [22. Л. 26 об.].

Лингвистическая дискриминация проявлялась в различных формах коммуникации. Представители лагерной администрации и охрана использовали для обращения к узникам их лагерные номера или откровенно унижительные оскорбления, тем самым отказывая заключенным не только в уважении, но в самом

факте признания за ними человеческой сущности: «Среди нас была женщина 72-х лет. Бандит-полицейский подошел к ней и сказал: “Иди, старая скотина, посмотри, как дохлая собака лежит в кустах”. Старушка отказалась идти. Тогда палач с размаху ударил женщину, и убеленная сединой ее голова покрылась кровью. Чуть переставляя ноги, старушка поплелась туда, куда было принудили идти. В кустах лежал разорванный на куски ее сын» [23. С. 63–64].

Ругательства, угрозы, приказы – самые частые речевые акты эсэсовцев в отношении узников. Этот способ общения часто описывается в мемуарах бывших узников. Лексемы, используемые, чтобы обозначить подобную манеру разговора, являлись преимущественно глаголами, например, «кричать», «орать», «вопить», «реветь» и т.д. Бывший узник Аушвица Примо Леви так характеризовал подобную ситуацию: «Для нас, итальянцев, проблема языкового барьера возникла еще в Италии, до депортации <...> С теми, кто понимал и членораздельно отвечал, устанавливались отношения, напоминающие человеческие, приказы отдавались им спокойным тоном; с теми же, кто не понимал ни одного слова, люди в черном обращались ужасно: те же приказы они повторяли громкими, злыми голосами, орали во все горло, словно имели дело с глухими людьми, а точнее, с домашними животными, скорее реагирующими на тон сказанного, чем на смысл. <...> Вот почему, кто не понимал и не говорил по-немецки, считался варваром по определению, и, если он упорно продолжал объясняться на своем языке, точнее, не-языке, нужно было побоями заставить его замолчать, криком и понуканием напомнить ему, где его место, – ибо он не Mensch (от нем. человек), не человеческое существо» [12. С. 74–76].

В данном случае со всей очевидностью реализовывалось противостояние «своих» и «чужих», причем в самом жестком варианте интерпретации данной дихотомии – «людей» и «не-людей». О возможности узников использовать подобный вид общения для собственного выживания не могло быть и речи.

Иначе протекала коммуникация между представителями лагерной администрации и заключенными-функционерами. Безусловно, представители лагерного «самоуправления» не переходили из категории «чужих» в спектр «других», не было и речи о какой-либо равноправной с их стороны альтернативе «своему» эсэсовскому миру, тем не менее некоторые изменения в коммуникации были очевидны. В подобном общении позиции доминирования нациста и подчинения заключенного не менялись, однако первый был вынужден коммуницировать с лагерной «аристократией» по более широкому спектру тем и на менее агрессивном уровне, в силу возложенных на последних функциональных обязанностей. Это, конечно же, не исключало возникновения ситуации, аналогичной «эсэсовец – рядовой узник», однако могла возникнуть и другая крайность – общение переходило на неформальный уровень [24. С. 60–61]. Шансы на выживание функционеров при этом значительно увеличивались.

Для общения лагерного функционера и рядового узника была характерна большая вариативность по

сравнению с названными выше парами. С одной стороны, в силу статуса в иерархии «самоуправления» представители лагерной «аристократии» доминировали в общении, передавая приказы нацистов и формулируя свои директивы. Их речь также была полна агрессивной инвективной лексики (что во многом объяснялось низким уровнем культуры), направленной на подчинявшихся им солдагерников все с той же целью унижения. Один из бригадиров – коллаборационистов концлагеря при совхозе «Красный» (Симферополь) – Николай Загной, избивая узников, постоянно повторял фразу: «Работайте, скоты, это вам не советская власть, а немецкая» [25. Р. 80–81].

С другой стороны, в силу возможного отсутствия языкового барьера и единства национальной принадлежности, между данными категориями могло складываться и вполне доверительное общение [26. Л. 71].

Казалось бы, коммуникация на уровне «узник–узник» в ситуации борьбы против общего врага – СС, в случае знания языков, должна была выстраиваться с высокой степенью взаимопонимания и поддержки, однако зачастую это было не так. Под влиянием лагерных условий (голода, антисанитарии, распространения инфекционных заболеваний), а также целенаправленной нацистской политики в общении между узниками активировались негативные национальные, классовые и прочие стереотипы.

Например, политические узники разных стран с предубеждением относились к категории так называемых асоциальных, в которую нацисты включали лиц без определенного места жительства, людей, страдавших алкоголизмом, проституток, а также цыган. По справедливому мнению немецкой исследовательницы К. Шикорры, политические узники наделяли образ асоциальных отрицательными чертами, стабилизируя тем самым собственную групповую идентичность [27. S. 109]. Заключенные, оказавшиеся в концлагерях по политическим мотивам, характеризовали асоциальных заключенных как пособников нацистов, не имевших права называться жертвами. Одновременно политические формировали позитивное представление о собственной группе как обладавшей моральными ценностями и убеждениями, которых они не предали. За счет асоциальных политические пытались нейтрализовать отрицательное представление нацистов о себе, разрушавшее их групповую идентичность.

В отношении цыган массовые стереотипы также играли особую роль. Одна из узниц Равенсбрюка отмечала, что цыганки «крали, как вороны, и учили своих детей делать то же самое». Другие выражали нежелание жить вместе с цыганами из-за их неряшливости. Вполне возможно, что в некоторых случаях подобные утверждения имели под собой основания, но чаще всего они основывались на домыслах и слухах [28. S. 130].

Национальные стереотипы были крайне живучи и ограничивали получение узниками опыта позитивного взаимодействия: «Греки: несколько преподавателей, несколько юристов, солдат, интеллектуалов или бойцов буржуазного сопротивления, беспомощные, грязные и измученные, и в гораздо большем количе-

стве левантийские бандиты с черными рожами и вьющимися волосами, жутко бородатые, воры и мошенники, дико кричащие, трусливые в работе...» [29. Р. 62–64].

Использование инвективной лексики также являлось одной из специфических черт, характерных для речевой коммуникации не только эсэсовцев, но и узников. В данном случае инвективная лексика в лагерном общении выполняла еще ряд функций. Она использовалась как средство эмоциональной разрядки, как реакция на неудовлетворенность и стресс (катартическая функция). Контактоустанавливающая функция реализовывалась за счет того, что инвектива вследствие своей эмоциональной насыщенности способна устанавливать контакт между равными по возрасту и социальному положению людьми. Более того, жаргонные выражения используются в качестве пароля, по которому члены данной социальной подгруппы узнают друг друга, это некие маркеры, отмечающие, что «мы все свои люди». С целью установления контакта заключенные могли ругать кого-то третьего, например представителя лагерной администрации или функционера, устанавливая, таким образом, положительный контакт между собой. Так, узники Вайвары называли одного из представителей «самоуправления» «шестиногим», потому что он всегда ходил в сопровождении волкодава, который вылавливал ««преступников» – находил тех, кто имел при себе хлеб...» [30. Л. 4]. И узники использовали инвективную лексику, сравнивая оппонента с животными: «Вот, собаки, – кто-то стал тихо возмущаться. – Мало им, что на работе с нас все жилы вытянули...» [31].

Коммуникация узников с гражданскими служащими во время работы на нацистских предприятиях также была весьма вариативна и реализовывалась в диапазоне от вербального насилия [32. С. 37] до реальной помощи и слов поддержки: «Я попала к одному мастеру – Францу, в цех. Он был очень хороший человек. Он все говорил мне: “Лена, когда вернешься домой, пришли мне крымского табака”. Я бы конечно, это с удовольствием сделала, но в это время нас Сталин считал изменниками родины, поэтому я ничего не могла сделать. А ведь он мне дважды спасал жизнь» [33. С. 87].

Коммуникация играла фундаментальную роль в выживании заключенных. Заключенные должны были понимать исходящие от эсэсовцев приказы. Узник не мог спастись в лагере в одиночку, он был вынужден общаться с другими заключенным, в том числе функционерами «самоуправления», чтобы удовлетворить базовые потребности – в элементарной пище, лечении во время болезни [34. Р. 2]. Опытные узники делились с новичками информацией о лагерном мире, его правилах и опасностях.

Более того, заключенные стремились противостоять разлагающему влиянию концлагерной действительности, сохраняя долагерную идентичность, отличную от навязываемой лагерной администрацией идентичности узника. Этому способствовали различные проявления культуры, инициированные заклю-

ченными (пение, стихотворное творчество, изобразительное искусство и т.д.). По справедливому замечанию известного социолога Зигмунта Баумана, культура в подобных условиях являлась вездесущим двигателем выживания, она служила цели обессмертить человека, вывести его за рамки личного ограниченности существования [35. С. 6]. Организация подобной нелегальной деятельности была бы невозможна без сложной коммуникационной сети, возникавшей как в рамках национальных групп узников, так и доходившей до уровня интернационального взаимодействия. Только в Бухенвальде в 1943 г. образовался международный комитет лагеря, включавший представителей коммунистических партий Германии, Бельгии, Франции, Италии, Югославии, Нидерландов, Австрии, Польши, Чехословакии и Советского Союза. Тогда же была создана Интернациональная военная организация. К моменту освобождения концлагеря она состояла из 188 групп с более чем девятью сотнями бойцов [10. С. 278].

Известная исследовательница тоталитаризма Ханна Арендт в своей фундаментальной работе «Истоки тоталитаризма» отмечала, что концентрационные лагеря представляли собой лабораторию, в которой происходило изменение человеческой природы как нацистов, так и заключенных [36]. Подобный подход можно считать отчасти правомерным, если обратить внимание на метаморфозы, происходившие в концлагере с языком и коммуникацией. И то и другое подверглось принудительным изменениям, создавая необходимую нацистским идеологам картину реальности.

Во то же время концлагеря оставались взаимосвязаны с внешним миром, представляли собой, пусть и в извращенном виде, модель общества, полного различных культур, систем ценностей и, конечно же, языков. Это общество было постоянно меняющимся во времени и пространстве (в зависимости от того или иного лагеря) конструктом. Его структурировала не только вертикально выстроенная интеракция, направлявшаяся эсэсовской администрацией, но и многочисленные горизонтальные коммуникативные связи, составлявшие основу повседневной жизни заключенных. Подобные связи были полны различных религиозных, культурных, этнических и прочих стереотипов.

Несмотря на перманентный террор, узники сохраняли свою долагерную языковую идентичность, позволявшую им оставаться самими собой, а не только объектами насилия со стороны лагерной администрации. Сохранение родного языка, а также освоение основ иностранных языков солагерников позволяло узникам выстраивать коммуникацию для собственного выживания или помощи другим узникам, а также для борьбы с лагерной администрацией. Вынужденное нахождение мультязычного общества на закрытой территории с четкими правилами существования неизбежно способствовало созданию особого лагерного языка, необходимого и достаточного для функционирования в условиях концентрационного лагеря. Закрепившиеся в европейских языках элементы лагерного языка напоминают о периоде существования чудовищного мира, искусственно созданном человеком.

Список источников

1. Агамбен Дж. Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М. : Европа, 2012. 192 с.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
3. Sofsky W. The Order of Terror: The Concentration Camp. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1996. 356 p.
4. Oschlies W. Lagersprache. Zur Theorie und Empirie einer KZ- spezifischen Soziolinguistik // Zeitgeschichte. 1985. № 13. S. 1–27.
5. Zenon J., Kłodziński S., Masłowski J. 'bauernfuss, goldzupa, himmelautostrada'. Zum 'Krematoriumsesperanto' der Sprache polnischer KZ- Häftlinge // Die Auschwitz-Hefte. 1987. № 2. S. 241–260.
6. Interpreting in Nazi concentration camps / ed. by M. Wolf. London ; New York : Bloomsbury Academic, 2016. 249 p.
7. Kamiński A. Konzentrationslager 1896 bis heute. Stuttgart : Kohlhammer, 1982. 289 p.
8. Benz W. Nationalsozialistische Zwangslager. Ein überblick // Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager / hrsg. W. Benz, B. Distel. Bd. 1. München : Verlag C.H. Beck, 2005. S. 11–29.
9. Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М. : Текст, 2003. 687 с.
10. Аристов С. Повседневная жизнь нацистских концлагерей. М. : Молодая гвардия, 2017. 319 с.
11. Заключение по делу о злодеяниях немецких захватчиков в городе Люблин // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7021. Оп. 107. Д. 8.
12. Леви П. Канувшие и спасенные. М. : Новое изд-во, 2010. 196 с.
13. Aschenberg H. Linguistic Terror in Nazi Concentration Camps: Lucien and Gilbert – Portraits of Two "Interpreters" // Interpreting in Nazi concentration camps / ed. by M. Wolf. London ; New York : Bloomsbury Academic, 2016. P. 63–78.
14. Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюка. М. : Изд-во политической литературы, 1985. 172 с.
15. Fackler G. Music in Concentration Camps 1933–1945 // Music & Politics. 2007. Vol. 1, Is. 1. P. 1–25.
16. Они победили смерть. М. : Изд-во политической литературы, 1959. С. 98.
17. Харламова Н.Ф. От Севастополя до концлагеря Бельзена // Архив военно-медицинских документов (Санкт-Петербург). ОФ-58222.
18. Strebel V. Ravensbrück – das zentrale Frauenkonzentrationslager // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / hrg. U. Herbert, K. Orth, C. Dieckman. Göttingen, 1998. S. 215–258.
19. Протокол допроса свидетеля З. Трубакова // Галузевий Державний архів Служби безпеки України (ГДА СБУ). Ф. 7. Оп. 8. Д. 1.
20. Aufklärung von Tötungsverbrechen durch Angehörige der ab Sommer 1942 bestehenden Dienststelle des KdS Simferopol / Krim // Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg. AR-Z 43/67. Bd. 5.
21. Criminal file of Olga Fink // The United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). Washigton. RG-31.018M. Reel 57.
22. Протокол допроса свидетеля И. Долинера // ГДА СБУ. Ф. 5. Д. 46772.
23. Шерман Б.П. И ужаснулась земля: Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти. Барановичи, 1997. 100 с.
24. Maršálek H. Die Geschichte des Konzentrationslagers Mauthausen: Dokumentation. Wien : Österr. Lagergemeinschaft Mauthausen, 1980. 347 s.
25. Протокол судебного заседания 12.08.1944 // USHMM. RG-31.018M. Reel 56. Case 18805.
26. Протокол судебного заседания по делу И. Морозова // ГДА СБУ. Ф. 5. Д. 46772.
27. Schikorra C. "Asoziale" Häftlinge im Frauenkonzentrationslager Ravensbrück – die Spezifik eine Häftlingsgruppe // Hrsg. Röhr W., Berlekamp B. Tod oder Überleben? Neue Forschungen zur Geschichte des Konzentrationslager Ravensbrück. Berlin, 2001. S. 89–121.
28. Massariello Arata M. Ravensbrück. Tagebuch einer Deportierten. Wien : Promedia, 1987. 223 s.
29. Rousset D. L'univers concentrationnaire. Paris : Ed. du Pavois, 1948. 190 p.
30. Лагерь в Клооре // Yad Vashem Archive (YV). P. 21. File 15.1.
31. Трубаков З. Тайна Бабьего Яра. URL: <http://amkob113.ru/bkv/> (дата обращения: 15.01.2021).
32. Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев — возможности и пределы совместных воспоминаний. Воронеж : ВГПУ, 2010. 228 с.
33. Непобедимая сила слабых: концентрационный лагерь Равенсбрюк в памяти и судьбе бывших заключенных. Воронеж : ВГПУ, 2008. 351 с.
34. Testimony of Hanus Muntz // YV. O.3. File 4288.
35. Bauman Z. Mortality, immortality and other life strategies. Stanford : Stanford Univ. Press, 1992. 215 p.
36. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1017156/57/Arendt_-_Istoki_totalitarizma.html (дата обращения: 15.01.2021).

References

1. Agamben, G. (2012) *Homo Sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima: arkhiv i svidetel'* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life; Remnants of Auschwitz: The Witness and the Archive]. Translated from Italian. Moscow: Evropa.
2. Frankl, V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Translated from German. Moscow: Progress.
3. Sofsky, W. (1996) *The Order of Terror: The Concentration Camp*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
4. Oschlies, W. (1985) Lagersprache. Zur Theorie und Empirie einer KZ- spezifischen Soziolinguistik. *Zeitgeschichte*. 13. pp. 1–27.
5. Zenon, J., Kłodziński, S. & Masłowski, J. (1987) 'bauernfuss, goldzupa, himmelautostrada'. Zum 'Krematoriumsesperanto' der Sprache polnischer KZ-Häftlinge". *Die Auschwitz-Hefte*. 2. pp. 241–260.
6. Wolf, M. (ed.) (2016) *Interpreting in Nazi concentration camps*. London; New York: Bloomsbury Academic.
7. Kamiński, A. (1982) *Konzentrationslager 1896 bis heute*. Stuttgart: Kohlhammer.
8. Benz, W. (2005) Nationalsozialistische Zwangslager. Ein überblick. In: Benz, W. & Distel, B. (Hrsg.) *Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager*. Bd. 1. München: Verlag C.H. Beck. pp. 11–29.
9. Kótek, J. & Rigoulot, P. (2003) *Vek lagerey: lishenie svobody, kontsentratsiya, unichtozhenie. Sto let zlodeyaniy* [The Century of the Camps: Detention, Concentration, Extermination, One Hundred Years of Radical Evil]. Translated from French. Moscow: Tekst.
10. Aristov, S. (2017) *Povsednevnyaya zhizn' natsistskikh kontslagerey* [Daily life of Nazi concentration camps]. Moscow: Molodaya gvardiya.
11. State Archive of the Russian Federation. Fund 7021. List 107. File 8. *Zaklyuchenie po delu o zlodeyaniyakh nemetskikh zakhvatchikov v gorode Lyublin* [Conclusion on the case of the atrocities of the German invaders in Lublin].
12. Levi, P. (2010) *Kanuvshie i spasennye* [The Drowned and the Saved]. Translated from English. Moscow: Novoe izd-vo.
13. Aschenberg, H. (2016) Linguistic Terror in Nazi Concentration Camps: Lucien and Gilbert – Portraits of Two "Interpreters". Wolf, M. (ed.) *Interpreting in Nazi concentration camps*. London; New York: Bloomsbury Academic. pp. 63–78.
14. Müller, Ch. (1985) *Die Klemplerkolonne in Ravensbrück*. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury. (In Russian).
15. Fackler, G. (2007) Music in Concentration Camps 1933–1945. *Music & Politics*. 1 (1). pp. 1–25.
16. Sokova, A.N. et al. (1959) *Oni pobedili smert'* [They conquered death]. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury.
17. Archive of Military Medical Documents (St. Petersburg). OF-58222. Kharlamova, N.F. (n.d.) *Ot Sevastopolya do kontslagerya Bel'zена* [From Sevastopol to the Belsen concentration camp].

18. Strebel, B. (1998) Ravensbrück – das zentrale Frauenkonzentrationslager. In: Herbert, U., Orth, K. & Dieckman, C. (Hrsg.) *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur*. Göttingen. pp. 215–258.
19. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine. Fund 7. List 8. File 1. *Protokol doprosa svidetelya Z. Trubakova* [Record of the interrogation of witness Z. Trubakov].
20. Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg. AR-Z 43/67. Bd. 5. *Aufklärung von Tötungsverbrechen durch Angehörige der ab Sommer 1942 bestehenden Dienststelle des KdS Simferopol / Krim*.
21. The United States Holocaust Memorial Museum. Washigton. RG-31.018M. Reel 57. *Criminal file of Olga Fink*.
22. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine. Fund 5. File 46772. *Protokol doprosa svidetelya I. Dolinera* [Record of the interrogation of witness I. Doliner].
23. Sherman, B.P. (1997) *I uzhasnulas' zemlya: Baranovichskoe getto. Koldychevskii lager' smerti* [And the earth was horrified: the Baranovichi ghetto. Koldychevo death camp]. Baranovichi.
24. Mařálek, H. (1980) *Die Geschichte des Konzentrationslagers Mauthausen: Dokumentation*. Wien: Österr. Lagergemeinschaft Mauthausen,
25. The United States Holocaust Memorial Museum. RG-31.018M. Reel 56. Case 18805. *Protokol sudebnogo zasedaniya 12.08.1944* [Minutes of the court session of 12.08.1944].
26. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine. Fund 5. File 46772. *Protokol sudebnogo zasedaniya po delu I. Morozova* [Minutes of the court session on the case of I. Morozov].
27. Schikorra, S. (2001) "Asoziale" Häftlinge im Frauenkonzentrationslager Ravensbrück – die Spezifik eine Häftlingsgruppe. In: Röhr, W. & Berlekamp, B. (Hrsg.) *Tod oder Überleben? Neue Forschungen zur Geschichte des Konzentrationslager Ravensbrück*. Berlin. pp. 89–121.
28. Massariello Arata, M. (1987) *Ravensbrück. Tagebuch einer Deportierten*. Wien: Promedia.
29. Rousset, D. (1948) *L'univers concentrationnaire*. Paris: Ed. du Pavois.
30. Yad Vashem Archive. S. 21. File 15.1. *Lager' v Klooge* [Camp in Kloog].
31. Trubakov, Z. (2021) *Tayna Bab'ego Yara* [The Mystery of Babi Yar]. [Online] Available from: <http://amkob113.ru/bkv/> (Accessed: 15.01.2021).
32. Timofeeva, N.P. (2010) *Lagernyi opyt v zhizni i pamyati russkikh i nemtsev — vozmozhnosti i predely sovmestnykh vospominanii* [Camp experience in the life and memory of Russians and Germans – the possibilities and limits of joint memories]. Voronezh: VGPU: Voronezh State Pedagogical University.
33. Timofeeva, N.P. (ed.) (2008) *Nepobedimaya sila slabykh: kontsentratsionnyi lager' Ravensbryuk v pamyati i sud'be byvshikh zaklyuchennykh* [The invincible strength of the weak: the Ravensbrück concentration camp in the memory and fate of former prisoners]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
34. Yad Vashem Archive. O.3. File 4288. Testimony of Hanus Muntz.
35. Bauman, Z. (1992) *Mortality, immortality and other life strategies*. Stanford: Stanford Univ. Press.
36. Arendt, H. (2021) *Istoki totalitarizma* [The origins of totalitarianism]. Translated from English. [Online] Available from: https://www.e-reading.club/chapter.php/1017156/57/Arendt_-_Istoki_totalitarizma.html (Accessed: 15.01.2021).

Информация об авторах:

Аристов С.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и культурологии Национального исследовательского университета “МЭИ” (Москва, Россия). E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com

Аристова В.Н. – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Москва, Россия). E-mail: avn2611@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Aristov, Dr. Sci. (History), professor, Moscow Power Engineering Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com

V.N. Aristova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: avn2611@gmail.com

The authors declare no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 19.01.2021;
одобрена после рецензирования 14.02.2021; принята к публикации 29.07.2022.*

*The article was submitted 19.01.2021;
approved after reviewing 14.02.2021; accepted for publication 29.07.2022.*